

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ ПРЕПОДОВНАГО АНТОНІЯ ВЕЛИКАГО ¹⁾.

О томъ, что исправленіе общественной нравственности
каждый долженъ начинать съ самого себя.

Дѣло-же свое да искѣшаетъ кійждо, и
тогда къ себѣ точію хваленіе да имать, а не
ко иному. (Гал. 6, 4).

Въ послѣднее время у насъ между людьми мыслящими
пишущими и имѣющими вліяніе на общественныя дѣла замѣ-
чается особенно одно похвальное движеніе,—это забота объ
исправленіи такъ называемыхъ общественныхъ недуговъ, или
общественной нравственности. Въ какой мѣрѣ эта забота до-
стигаетъ своей цѣли,—трудно рѣшить. Упадокъ нравственности
у насъ очевидный: мѣры къ ея улучшенію предлагаются боль-
шею частію новыя; поприще, гдѣ онѣ должны быть примѣня-
емы, судя по пространству нашего отечества,—безграничное.
Гдѣ какая мѣра принята, гдѣ испытана, гдѣ устояла или
оставлена,—все это покажетъ будущее, если только мы сами
позаботимся узнать, что выходитъ или вышло изъ нашихъ со-
чиненій, совѣтовъ и распоряженій. Но намъ, служителямъ
Церкви теперь-же съ точки зрѣнія христіанской замѣтно, что

¹⁾ Произнесено 17 января 1885 г. въ церкви Харьковскаго универ-
ситета.

во всѣхъ подобныхъ мѣропріятіяхъ большею частію опускается изъ виду самый первый подступъ, самое начало и самый надежный пріемъ въ трудномъ дѣлѣ исправленія общественныхъ недуговъ,—это исправленіе каждымъ прежде всего самого себя. Св. Апостоль Павель говоритъ: „каждый да испытываетъ свое дѣло, и только тогда будетъ имѣть похвалу въ себѣ, а не во иномъ“.

Изъ этого слова Апостола мы можемъ понять, что когда мы окидываемъ взоромъ наше общество или народъ, и для ихъ благоустройства придумываемъ полезныя мѣры; когда заранѣе утѣшаемся своими счастливыми мыслями и добрыми надеждами: тогда мы ищемъ себѣ *похвалы во иномъ*, т. е. желаемъ распространенія добра только въ другихъ людяхъ. Но и для насъ было-бы полезнѣе и для дѣла исправленія общественной нравственности благонадежнѣе, если-бы мы прежде постарались имѣть *похвалу въ себѣ*, т. е. если-бы прежде позаботились объ исправленіи самихъ себя и осуществленіи добра въ своихъ дѣлахъ и собственной своей жизни.

Мы большею частію смотримъ на жизнь общественную и народную въ цѣломъ ея объемѣ или обширныхъ ея частяхъ, и придумываемъ широкія, всеобъемлющія мѣры: для ея исправленія, но не замѣчаемъ, что нравственное исправленіе челоуѣчества не то, что воздѣлываніе обширныхъ полей, или фабричное производство, гдѣ наиболѣе намъ помогаютъ новоизобрѣтенныя орудія и сильно-дѣйствующія машины. Здѣсь, въ жизни нравственной, кромѣ общихъ мѣръ, каждая отдѣльная личность требуетъ особыхъ пріемовъ для свободнаго ея убѣжденія въ благотворности предлагаемыхъ ей мѣръ усовершенствованія, что прекрасно понимаетъ и исполняетъ наша Церковь, когда, кромѣ общихъ наставленій, поручаетъ отдѣльно каждому изъ насъ руководству духовнаго отца. И только при этомъ условіи близкаго личнаго вліянія на тѣхъ, кого мы желаемъ исправить, будетъ наиболѣе обезпечено движеніе отдѣльныхъ личностей къ усовершенствованію; а умноженіе числа ихъ будетъ дѣйствительнымъ шагомъ къ улучшенію общественной нравственности. И въ этомъ смыслѣ, кто, сознавши потребность общаго исправленія, начинаетъ его съ

самого себя, подавая въ себѣ добрый примѣръ другимъ, тотъ дѣйствительно начинаетъ самое дѣло, а не служить ему одними словами.

Итакъ, „начинай каждый съ самого себя“,—вотъ что мы должны принять за непремѣнное правило, если дѣйствительно ревнуемъ о нравственномъ исправленіи и преуспѣяніи нашего общества и народа.

И во-первыхъ, этого требуетъ отъ насъ справедливость или разумная послѣдовательность въ нашихъ дѣйствіяхъ. Почему мы такъ подробно и съ такою заботливостію изображаемъ наши общественныя недуги въ литературѣ и устныхъ бесѣдахъ? Конечно, потому, что видимъ въ нихъ уклоненія отъ правильнаго теченія жизни, вредящія нашему благосостоянію въ настоящемъ и угрожающія бѣдствіями въ будущемъ. Почему мы такъ стараемся о пріисканіи мѣръ къ прекращенію заблужденій, пороковъ и злоупотребленій въ обществахъ? Конечно, потому, что желаемъ ему блага, преуспѣянія, процвѣтанія. Если-же заблужденія и пороки—зло, если въ ихъ врачеваніи наше благо: то не требуетъ-ли справедливость, чтобы каждый совѣтникъ и попечитель о благѣ общемъ осмотрѣлся сначала самъ, не страдаетъ-ли онъ тѣми-же или подобными недугами, въ которыхъ обличаетъ общество, не вноситъ-ли онъ въ общество и съ своей стороны значительную долю того разрушительнаго начала, которое называется зломъ? Не естественно-ли, чтобы онъ прежде другихъ, или по крайней мѣрѣ не позднѣе другихъ позаботился о развитіи въ себѣ другаго цѣлительнаго начала, которое называется добромъ, и которое онъ желаетъ распространить въ обществахъ? И при этомъ справедливость-же требуетъ, чтобы не было опущено изъ виду еще одно важное условіе: не включать всю свою нравственность въ понятіе внѣшней добродѣтели, приличія, безукоризненности предъ общественнымъ мнѣніемъ, а помнить, что въ сущности она состоитъ въ чистотѣ помысловъ, желаній и намѣреній, во внутренней правотѣ всѣхъ нашихъ дѣйствій и постоянномъ стремленіи къ усовершенствованію себя предъ Богомъ и совѣстію. Просмотрѣвши такимъ образомъ себя по совѣсти, тща-

тельно, нещадно, съ самообличеніемъ, какъ напрімѣръ требуетъ христіанское приготовленіе къ исповѣди, обличитель общественныхъ недуговъ, можетъ быть, вспомнить древнюю еврейскую пословицу: *врачу, исцѣлится самъ* (Лук. 4, 23). Съ другой стороны, какъ скоро мы искренно войдемъ въ дѣло самоисправленія, тотчасъ замѣтимъ, что оно есть трудъ, и трудъ тяжелый, пожизненный. Значить, чѣмъ рѣшительнѣе мѣры, предлагаемыя нами для врачеванія общества (разумѣется, если онѣ здравы), тѣмъ больше мы возлагаемъ на него труда. Если-же это такъ, то справедливо-ли возлагать этотъ трудъ только на другихъ, а самимъ и не начинать его? Не есть-ли это то лицемѣрное желаніе блага народу, въ которомъ обличалъ Господь фариисеевъ: „и вамъ законникамъ горе, что налагаете на людей бремена неудоносымыя, а сами и однимъ перстомъ своимъ не дотронетесь до нихъ“ (Лук. 11, 46).

Дѣятельный трудъ исправленія себя при желаніи врачевать общество требуется отъ насъ и потому, что въ этомъ трудѣ заключается наилучшій способъ узнать доброкачественность и цѣлесообразность тѣхъ средствъ, которыя мы предлагаемъ для исправленія общества. Этотъ способъ испытанія настолько для насъ самихъ надежнѣе всякихъ разсужденій о достоинствѣ новыхъ плановъ и проэктвовъ, насколько собственный опытъ вѣрнѣе мыслей и предположеній; онъ настолько убѣдительнѣе и для другихъ, насколько добрый примѣръ сильнѣе голословнаго совѣта. Какое лекарство полезно мнѣ, то я съ убѣжденіемъ предлагаю и другому; и тѣмъ охотнѣе принимаетъ его другой, чѣмъ очевиднѣе для него мой опытъ. Всегда-ли предлагаемъ мы для исправленія общества и народа средства, вѣрность и благотворность которыхъ нами сами дознана и испытана? Повидимому нѣтъ. Если-бы мы нравственность понимали какъ должно, и средства для своего исправленія примѣняли къ дѣлу какъ слѣдуетъ, тогда мы не почитали-бы, напрімѣръ, общественныхъ увеселеній важною мѣрою для исправленія народа; потому что видѣли-бы на себѣ, какъ они развлекаютъ, лишаютъ собранности мыслей и твердости духа, какъ легко при частомъ ихъ повтореніи къ

нимъ пристраститься; а при невниманіи къ себѣ, какъ легко перейти отъ удовольствій невинныхъ къ порочнымъ и преступнымъ. Точно такъ-же мы не признавали-бы и богатства, или даже матеріальнаго обезпеченія главнымъ средствомъ охраненія отъ пороковъ и преступленій, потому что сами замѣтили-бы, что не столько внѣшнія условія жизни, сколько внутренняя самостоятельная сила духа охраняетъ насъ отъ паденій, а богатство и избытокъ средствъ незамѣтно ведутъ къ роскоши и подрываютъ энергію къ нравственному труду, а не усиливаютъ ее. Мы не признавали-бы и науки и просвѣщенія единственнымъ путемъ къ нравственному совершенству, потому что знали-бы по опыту, что отъ знанія до дѣла, отъ наполненія ума свѣдѣніями до обогащенія духа добродѣтелями—очень еще далеко; что здѣсь предстоитъ совершенно особый родъ дѣятельности, отличный отъ удовлетворенія потребности знанія. Здѣсь предстоятъ: изученіе требованій совѣсти или нравственнаго закона и вниманіе къ нимъ, подвигъ постоянного наблюденія за своимъ сердцемъ, тяжелая борьба съ вожделѣніями плоти и со своею слабостію и неустойчивостію, трудъ возстановленія себя послѣ неизбѣжныхъ и горькихъ паденій, терпѣливое перенесеніе или переживаніе духовнаго разслабленія и утоленія, тоскливости и унынія, сопровождающихъ нравственное напряженіе и, наконецъ, побѣжденіе испытаній, отовсюду насъ окружающихъ. Однимъ словомъ: здѣсь требуется особая наука и особый трудъ, который глубокихъ мыслителей и ревнителей чистой нравственности приводилъ къ убѣженію въ непреложной истинѣ словъ нашего Искупителя: *безъ Мене не можете творити ничего-же* (Іоан. 15, 5). Если-бы мы, ревнители народной нравственности, сами проходили эту школу, мы прежде всего старались-бы общество и народъ содержать въ союзѣ съ Церковію, и прежде всего *собственнымъ примѣромъ* поощряли-бы ихъ къ исполненію ея спасительныхъ уставовъ о молитвѣ, бдѣніи надъ собою, воздержаніи и храненіи нравственной чистоты. А что этого истинно-нравственнаго опыта въ насъ нѣтъ, или мало,—это видно еще и по тому разнообразію и по тѣмъ безпрестаннымъ пробамъ и перемѣнамъ въ сред-

ствахъ для такъ называемаго подъема общественной нравственности, какія мы предлагаемъ. Иначе мы знали-бы, что каждая нравственная мѣра для своего успѣха требуетъ углубленія въ почву нашего духа, какъ вновь посаженное дерево требуетъ углубленія и укрѣпленія въ землѣ корнями; знали-бы, что частыя перемѣны въ направленіяхъ нравственной жизни вредятъ ея развитію и росту такъ-же, какъ безпрестанная пересадка деревъ—успѣшному разведенію сада. Эти перемѣны наводятъ на мысль: ужь не сбились-ли сами новые совѣтники и руководители общественной нравственности съ прямого пути и не затрудняются-ли найти его или возвратиться на него?...

Кто прежде самъ осуществляетъ въ своей жизни возвѣщаемыя имъ начала доброй нравственности, тотъ можетъ быть увѣренъ, что имѣетъ въ своихъ рукахъ наилучшее средство для врачеванія недуговъ общественныхъ. Господь не напрасно въ Своемъ обѣтованіи о вѣчномъ воздаяніи проповѣдникамъ Евангелія поставилъ слова въ такомъ порядкѣ: *уже сотворитъ и научитъ, сей велий наречется въ царствѣи небесномъ* (Мат. 5, 19); Онъ далъ намъ этимъ понять, что не ученіе, а твореніе добра есть первый и наиболѣе вѣрный способъ его распространенія. Истинное добро имѣетъ вокругъ себя живительную атмосферу. Въ обществѣ съ человѣкомъ добрымъ чувствуемъ спокойствіе, безопасность, освѣженіе, ободреніе, возбужденіе; въ немъ есть сила, поднимающая внутреннюю жизнь его окружающихъ; къ нему естественно тяготѣютъ люди, склонные къ нравственному преуспѣянію. Христосъ Спаситель, давая намъ понять эту живительную силу добра, называетъ его свѣтомъ: *вы есте свѣтъ міра* (Мат. 5, 14). Въ темную осеннюю ночь заблудившійся спутникъ издалека видитъ и слабый свѣтъ, брежущій въ огнѣ крестьянской хижины, и съ радостію идетъ на него, находя въ немъ спасеніе. Такъ-же дороги во времена упадка народной нравственности примѣры истинной добродѣтели, особенно въ народныхъ учителяхъ и руководителяхъ. Этими свѣтящимися точками христіанскаго совершенства, въ лицѣ древнихъ подвижниковъ, народъ нашъ былъ руководимъ въ нравственной жиз-

ни съ успѣхомъ во времена самыя темныя. Ясно, какъ велико было-бы вліяніе примѣровъ высокой нравственности при распространеніи просвѣщенія. Это и было-бы, если-бы во множествѣ людей, нынѣ разсуждающихъ и пишущихъ объ улучшеніи общественной нравственности, было побольше этихъ свѣтящихъ точекъ истиннаго добра. Около нихъ составлялись-бы кружки любителей добродѣтели, а не новостей только и удовольствій; годъ отъ году эти кружки расширялись-бы и умножались, и добро тихо, но вѣрно, какъ жизненная сила, разливалось-бы въ нашѣмъ отечествѣ. Тогда образованіе было-бы украшеніемъ крѣпко сложившагося зданія народной жизни, а безъ этого всѣ украшенія, какія даетъ образованіе, всегда будутъ блескѣть только на его наружности.

Намъ могутъ сказать, что не всѣ-же совѣтники въ дѣлѣ врачеванія общественныхъ недуговъ сами страдаютъ тѣми-же недугами, отъ которыхъ желаютъ спасти общество: не всѣ бросаютъ женъ и дѣтей, разрывая супружескія связи; не всѣ крадутъ казенныя и общественныя суммы; не всѣ возмущаются противъ власти родительской и правительственной и т. п. Но, успокаивая себя этимъ, мы обнаруживаемъ свое заблужденіе въ томъ отношеніи, что признаемъ пороки зломъ тогда, когда они уже достигли ужасающихъ размѣровъ, и хотимъ исторгать ихъ съ корнемъ, когда они уросли и окрѣпли. Преслѣдуйте зло въ сѣмени и зародышѣ, и во-первыхъ въ себѣ и ближайшихъ къ вамъ людямъ; а это преслѣдованіе зла въ его зачаткахъ и составляетъ ту великую науку добродѣтели, которая дѣлаетъ твердыми въ нравственныхъ правилахъ семейства и общества. Основаніемъ успѣха въ этомъ великомъ дѣлѣ и служить общій строй жизни cadaго изъ насъ, сознательный, твердый, болѣе или менѣе строгій, упреждающій развитіе зла, очищающій, по ученію евангельскому, ниву отъ сорныхъ травъ, чтобы онѣ не уросли и не подавили пшеницы. Этого-то направленія къ христіанскому духовному труду, обязательному для cadaго здраво понимающаго истинную нравственность,—и мало нынѣ видно въ нашей жизни. Мы отослали этотъ трудъ въ монастыри, къ монахамъ, какъ ненужный для мірянина, и—еще больше,—

какъ несоотвѣтствующій духу нашего времени. Оттого-то наше время и отличается такимъ страшнымъ распространеніемъ пороковъ и преступленій; оттого-то наша общественная жизнь такъ и поросла всякими сорными травами.

Съ другой стороны, мы опускаемъ изъ виду, что въ душѣ и жизни человѣческой какъ добродѣтели, такъ и пороки имѣютъ тѣсную связь, такъ что одною добродѣтелію мы готовляемъ и поддерживаемъ другія, и однимъ порокомъ заражаемъ и питаемъ множество другихъ. Мы, мирные граждане, не умѣемъ научнымъ образомъ воспитывать для отечества храбрыхъ воиновъ и героевъ, но мы внушили дѣтямъ нашимъ покорность волѣ Божіей и любовь къ отечеству, приучили ихъ къ воздержанію и лишеніямъ, вдохнули въ нихъ мужество и твердость въ трудныхъ случаяхъ жизни,—и мы дадимъ въ нихъ Царю нашему тѣхъ-же героевъ, которые всегда выходили у насъ не только изъ дворянскихъ, но и изъ крестьянскихъ благочестивыхъ семействъ и помимо военныхъ воспитательныхъ заведеній. Мы не умѣемъ подготовить дѣтей къ успѣшной работѣ въ канцеляріяхъ, къ казначейской службѣ, къ искусному служенію дѣлу правосудія, но мы не позволяемъ ни себѣ, ни дѣтямъ нашимъ праздности, лжи, кривды, безчестныхъ поступковъ,—и мы дадимъ нашему обществу благонадежныхъ и полезныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ. То же должно сказать и въ отношеніи къ порокамъ. Мы не крадемъ и никого къ учимъ воровству, но мы позволяемъ себѣ лишнюю и неблаговременную роскошь, увлекаемъ въ нее другихъ, не имѣющихъ равнаго съ нами состоянія, и тѣмъ ставимъ ихъ какъ-бы въ необходимость искать средствъ къ роскошной жизни путями непозволительными. Мы никому не совѣтовали самоубійства, но распространяли ложныя мысли о достоинствѣ и судьбѣ человѣка, подавали примѣръ пренебреженія къ жизни, нравственнаго безстрашія и безотвѣтственности,—и тѣмъ открывали для слабыхъ духомъ людей широкую дорогу къ самоубійству и другимъ преступленіямъ.

Такъ, когда по-глубже всмотримся во всѣ наши планы для улучшенія общественной нравственности: убѣдимся, что они обнимаютъ только внѣшность, скользятъ по поверхности

общественной жизни. Все, что мы почитаемъ внутреннимъ, касающимся основаній нашей жизни, ограничивается познаніями, мыслями, стремленіями только къ постиженію, а не осуществленію умопредставляемыхъ идеаловъ. Но намъ нужна практическая почва дѣйствительной добродѣтели, а не мечтательной нравственной жизни. Покажите въ себѣ примѣръ чистаго дѣйствительнаго добра; сдѣлайте это добро любезнымъ и возжелѣннымъ для другихъ; увлеките тѣхъ, кого хотите исправить, къ подражанію вамъ; сопровождайте затѣмъ это жизненное вліяніе какими угодно способами распространенія полезныхъ наукъ и искусствъ; тогда все пойдетъ въ прокъ и принесетъ истинную пользу и вамъ самимъ, и обществу. Въ противномъ случаѣ вы не будете имѣть,—вспомнимъ слово Апостола,—*похвалы ни въ себѣ, ни въ другихъ*. Аминь.